

кажутся новыми, так как включают и новый обряд бракосочетания, и торжественное застолье на городской манер. Все это говорит о том, что необходим дифференцированный подход к оценке обряда.

Мы считаем возможным говорить о национальных формах в области материальной культуры. Например, о новом общенациональном костюме¹¹, в основу которого легкой покрой (так называемый «туникообразный» во многих элементах костюма заменен выкройным), но сохранился традиционный колорит в расцветке тканей, отделке и т. д. С таким же правом эту терминологию можно распространить и на область духовной культуры, тем более что этот термин отражает объективную картину явлений.

Мне кажется, что критика авторами молодежных (комсомольских) свадеб, описанных, в частности, в работе А. Бекмуратовой, не вполне уместна. Такая форма свадьбы встречается в быту каракалпакского городского населения, за нее высказалось 30 с лишним процентов из числа опрошенных (стр. 101). Одна из особенностей нашей действительности заключается в том, что человек может предпочесть ту форму обряда, которая ему больше импонирует, может даже вообще не соблюдать никакого обряда. Критике в отмеченном случае подлежит не сам обряд или семейный праздник, а руководители, превращающие свадьбу в общественное мероприятие, на которое, кстати, затрачиваются немалые общественные средства. Особенно приходится возражать против тех случаев, когда комсомольские свадьбы проводятся среди семей, недостаточно подготовленных психологически к таким новшествам. В этих семьях следом за новой свадьбой справляется вторая в рамках народных традиций, что приводит к излишним расходам.

Представляется также, что авторы слишком увлекаются в своих обобщениях, когда пишут о глубоко зашедших изменениях быта, массовом отходе от религии в 30-е годы (гл. I). Обычно в дальнейшем они сами приводят факты, опровергающие такие заключения. Отмеченная непоследовательность встречается, например, при описании «октябрин» (на стр. 146 говорится об их широком распространении, а на стр. 148 утверждает, что они даже в городе не имели массового характера).

Не всегда удачна форма изложения материала. Описание традиционных обрядов авторы тут же перемежают рассуждениями на современные темы, прерывая таким образом логическую связь между излагаемыми фактами.

Приходится сделать упрек авторам и издательству в небрежности при подготовке текста к печати; не всегда удачна редакция, встречается много опечаток, нет оглавления. Все это затрудняет пользование книгой.

В целом же новая книга каракалпакских ученых — значительный вклад в историю и этнографию каракалпакского народа, в разработку мало исследованной еще проблемы традиций и инноваций в семейном быту, дающая в совокупности с недавно вышедшими трудами по другим народам Среднеазиатско-Казахстанского региона материал для широких обобщений как по исторической, так и по современной этнографии.

Н. П. Лобачева

¹¹ «Современные этнические процессы в СССР», с. 213 сл.

В. А. Александров. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, 322 стр.

Выход в свет монографии В. А. Александрова, посвященной крестьянской общине Европейской России в XVII — начале XIX в., можно считать одним из самых примечательных явлений в советской историографии последних лет. До сих пор советская историческая наука не имела столь всеобъемлющих и проблемно поставленных специальных монографических исследований на эту тему. Отрадно, что традиции, заложенные Б. Д. Грековым в изучении русской общины, продолжают развиваться и приумножаться.

Рецензируемая книга — результат большого труда, многолетних и скрупулезных изысканий автора в архивах. Им обнаружены и внимательно проанализированы многочисленные и разнообразные материалы вотчинного и общинного делопроизводства, в том числе до 50 помещичьих инструкций по управлению имениями и не менее 500 мирских приговоров разных общин. Не обошел своим вниманием В. А. Александров и фольклор.

И сам предмет изучения, и эпоха, к которой этот предмет относится, чрезвычайно интересны в силу своего переходного состояния и характера. Община выступала как сословная организация крестьянства; взаимоотношения ее с феодальным государством и господствующим дворянством в период наивысшего развития крепостничества, а затем в период разложения феодальной формации — тема актуальная, имеющая не только научное, но и политическое значение. Не вызывает сомнений то, что перемены в социальной организации русской деревни в условиях складывания буржуазного уклада без решения вопросов, связанных с эволюцией общины, понять нельзя.

Автор задался целью исследовать только внутреннюю жизнь деревенского «мира», инкорпорированного в крепостное хозяйство. В шести главах на основе обобщения обширного историографического и архивного материала последовательно решаются такие задачи, как положение общины на последнем этапе развития частновотчинного права, ее устройство и функции, роль последних в организации помещичьего и крестьянского хозяйства, воздействие мирских институтов на повседневную жизнь деревни и семейный быт крестьян.

Вводную историографическую главу можно расценить как первое в нашей науке систематическое исследование накопившейся литературы о происхождении и существовании общины на разных стадиях ее бытования. Особая ценность очерка — в выявлении политической оценки исторических взглядов на общину в дореволюционной науке и публицистике и в марксистской постановке проблемы, в установлении органической зависимости эволюции общинных институтов от производственных отношений в деревне, от исторических типов земельной собственности.

Отсюда пристальное внимание автора к таким сложным проблемам, как общественный и хозяйственный дуализм общины, «освоение» общины феодальной властью, соотношение феодального насилия в правовой форме и народного обычая в деревне, время, характер и обстоятельства приобретения или потери общиной тех или иных прав и обязанностей, влияние частновотчинного права на процессы расслоения крестьян, воздействие развивавшихся буржуазных отношений на мирской строй деревни.

Известно, что в начале XVIII в. завершился процесс слияния крепостного поместья с вотчиной, значительно расширились иммунитетные привилегии дворянства, проявлением которых была все расширяющаяся власть помещиков над жизнью, трудом и имуществом крестьян. Нормы правового положения крестьян внутри феодальных вотчин фиксировались не столько в государственных законах, сколько в помещичьих инструкциях и наказах управляющим и приказчикам. До недавнего времени давалась крайне односторонняя оценка этих документов. Их составление помещиками рассматривалось как средство более рациональной организации сельского хозяйства (К. В. Сивков, П. К. Алейко). В книге показано широкое значение инструкций по управлению вотчинами как сборников частнофеодального права, в которых кодифицировалось дарованное дворянам право господства над крестьянами.

Рассмотрев три типа организации вотчинного управления, три типа связей между господской администрацией и общиной — вотчинно-полицейский, общинный и в разных вариантах вотчинно-мирской, — автор раскрыл в деталях тонкий механизм подчинения общины власти феодала и обеспечения исправного поступления ренты. В работе подчеркивается, что частнофеодальное право насаждало и консервировало самые отсталые порядки и обычаи в деревне, способствовало нивелировке крестьян. Помещики не останавливались даже перед разрушением общины, если это им было выгодно. Короче, община интересовала феодала исключительно как инструмент эксплуатации и подчинения крепостных крестьян. Характерно, что автор наблюдал преимущественно оброчные имения, в которых община могла получить максимальные условия для поддержания своей жизнеспособности, что же касается барщинных деревень, то здесь в положении общины наиболее резко выражалось сословное бесправие крестьян.

Таким образом, вид феодальной ренты оказывал существенное влияние на структуру и функции мирского самоуправления: они были шире в оброчных и уже в барщинных имениях. В компетенцию мирского схода входили в основном земельная и тягловая разверстка, мирские расходы, а также семейно-бытовые отношения крестьян. В. А. Александров установил, что регулирование внутريدеревенской жизни органами мирского управления постепенно бюрократизировалось. Он сделал вывод и о косности общины как социального организма, ибо она противилась новшествам, цеплялась за древние традиции, обнаруживала приверженность к устойчивым и единообразным формам мирской конституции.

Исследование общинного управления — важный аспект проблемы. Автор подчеркивает, что мирские приговоры, тесно связанные с частнофеодальными кодексами права, были активными документами, обязывающими всех крестьян выполнять решения схода. Поэтому помещики были заинтересованы в утверждении мирским приговором всех феодальных повинностей крестьян. Внеэкономическое принуждение помещика дополнялось принуждением общины. В то же время в приговорах выражалось общественное мнение крестьян, нередко содержавшее протест и сдерживавшее эксплуататорское рвение помещиков. В этом обнаруживался общественный дуализм общины «как орудия вотчинного управления и как орудия защиты и сохранения интересов крестьян перед феодалом и царской администрацией» (стр. 178). Однако автор не скрывает того, что преобладала все-таки фискально-полицейская природа мирского управления: поддержание крепостной дисциплины, обеспечение феодальной ренты, соблюдение интересов казны и помещика. Руководящая роль в общине принадлежала зажиточной верхушке деревни.

В книге убедительно показано полное бесправие крепостной деревни не только перед барином, но и перед государством. Наряду с помещиком и казенным ведомством в деревню стремились проникнуть и третий хищник — чиновник, присваивавший часть феодальной ренты в виде огромных взяток. Не удивительно, что дворяне старались оградить свои вотчины от вмешательства агентов царской власти, что создавало иллюзию помещичьей «заботы» и попечительства о крестьянах. Крестьяне же находили способ противостоять разорительному нажиму эксплуататоров всех категорий в мирском объединении и сплочении.

В главе о земельном хозяйстве и разверстке повинностей отмечаются значительные права общины в области регулирования землепользования. Автор, исследуя вопрос о земельных переделах, пришел к выводу, что общие переделы земли в изучаемое время были явлением редким. Большинство крестьян пользовалось наделными землями из поколения в поколение в одном месте, считая свои полосы «вечным владением». Эти наблюдения В. А. Александрова вносят существенные коррективы в традиционное представление о неустойчивости крестьянского землепользования при феодализме.

Зато систематически производились частные переделы — «поравнения» в целях достижения соответствия землепользования размеру тягла. Примечательны установленные автором факты определения общиной величины надела и тягла по экономическим возможностям крестьянского двора (состояние хозяйства, доходы от промыслов, возрастной состав семьи, размеры землепользования и др.). Этот принцип получил развитие в условиях втягивания деревни в товарно-денежные отношения. Он явственно проявлялся при выработке единиц обложения, которые зависели от формы и величины ренты, вида сборов (государственные, владельческие, земские), обеспеченности земель и т. д. В главе содержится богатый фактический материал о системе обложения (повытной, подушной, повенечной), об окладных и раскладочных единицах, о принципах и порядке разверстки тягла, о росте феодальной ренты, о несоответствии юридических установлений реальной практике тяглого обложения внутри общин. Интересны материалы о покупке земли общинами и отдельными дворами крестьян.

Изменения в принципах обложения отражали заметное усиление феодальной эксплуатации крестьян на рубеже XVIII—XIX вв. Важные выводы В. А. Александрова о том, что навязываемое феодалами тяглое «поравнение» землепользования сдерживало расслоение крестьян и препятствовало эволюции общинного землевладения в направлении к подворному, находят в главе достаточное документальное подтверждение.

Практика частичного и общего перераспределения земли в общинах по тяглу подтверждает ту истину, что крестьяне не имели прав собственности на землю. И все же частнособственнические тенденции в среде крестьянства были велики. Изучение порядка владения и хозяйственной эксплуатации разных категорий земель — тяглых пахотных, пустошных резервных и усадьбных — привело автора к выводу о двойственной, противоречивой психологии крепостных крестьян: наряду с представлением об общинной земле крестьяне допускали мысль о существовании «частной земельной собственности внутри общины» (стр. 236). Подобные иллюзии поддерживались практикой отчуждения угодий. Община обычно давала согласие на ограниченное внутреннее обращение земли в форме аренды, залога, «сдачи-передачи», купли-продажи.

Значение этих фактов В. А. Александров не склонен преувеличивать. В противоборстве общинных и частнособственнических тенденций побеждали первые. При всех обстоятельствах общинный принцип владения землей оставался господствующим. Автор подчеркивает, что община ограничивала предпринимательство своих членов, не допускала чрезмерной концентрации тяглой земли в руках зажиточных хозяев. Да и сами крестьяне неохотно расширяли свое землепользование, потому что в конечном счете это приводило к увеличению тяглой нагрузки на двор. В силу своего ограниченного характера внутридеревенская концентрация земли в XVIII в. еще не могла служить предпосылкой имущественной дифференциации крестьян. Таким образом, противоречия, которые были призваны со временем подорвать феодальные принципы мирской организации крестьян, накапливались прежде всего в сфере индивидуального землепользования.

Значительное место в работе отведено показу роли рекрутчины в жизни общины. Любопытно, что государственная повинность, порядок отбывания которой вырабатывался общиной без ощутимого вмешательства вотчинника или государства, постепенно теряла общинный характер. В. А. Александров глубоко изучил лично-семейный принцип организации рекрутчины, при котором повинность превращалась в денежный налог на всех мужчин, и в армию попадали наименее состоятельные элементы, не имевшие средств откупиться от солдатчины. Рекрутчина получала кроме военной и социально-хозяйственную функцию: поглощая беднейшие элементы деревни, она содействовала некоторой нивелировке дворов и оказывала дисциплинирующее воздействие на крестьян как постоянная угроза мести феодала за непослушание.

Чисто общинным делом было не только землепользование, но и семейно-бытовые отношения крестьян. Им посвящена заключительная глава книги. Автор обращает внимание на то, что община следила за семейной нравственностью, регулировала разделы, решала споры по наследованию имущества, исходя из интересов тягла в первую очередь. Община не смогла противодействовать феодалам, которые контролировали все вопросы, связанные с разделами и заключением браков крестьян.

Богатый конкретно-исторический материал, приведенный в книге, свидетельствует о преобладании консервативных начал в мирском строе крепостной деревни, о жестокости и практицизме сельских «мироедов» и старост в организации тягла и полицейского порядка в деревне, о глубокой патриархальности и домостроевской морали крестьянских семей. Община под губительным давлением крепостничества концентрировала в себе и возводила в общинноправовые нормы худшие черты частнособственнической психологии крестьянства, самые отсталые формы натурального земледельческого хозяйства и быта крепостной деревни. В то же время община подвергалась воздействию растущих товарно-денежных отношений. Нарушалась ее замкнутость и обособленность от внешнего мира, расширялось отходничество крестьян, усиливалось расслоение, росли аренда земли и

крестьянский торг. Влияние этих явлений в значительной мере нейтрализовалось частно-феодалным правом и круговой порукой в общине. Но чем более общины «воспринимали новые отношения и приспособлялись к ним, тем более оказывались «подготовленными» к утверждению капиталистического пути развития деревни» (стр. 318). С этим выводом автора следует полностью согласиться, ибо нарастающие противоречия феодального строя общины отражали как социально-хозяйственные ячейки, объединявшие главную массу непосредственных производителей страны.

В заключение автор подчеркивает, что «сущность сельской общины заключалась в ее общественном и хозяйственном дуализме» (стр. 314). Это важное марксистское положение глубоко обосновано в работе. Именно дуализм общины, а не ее функциональное значение обусловил длительность существования и живучесть этого социального организма в специфических условиях аграрной России.

Остается пожелать автору продолжить исследование сельской общины в России на следующем этапе ее эволюции, в период кризиса крепостничества, чтобы показать не только внутренний строй, но и место ее в классовой борьбе крестьянства.

В. М. Вазжинский

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик, 1974, 634 стр.

Публикация источников — всегда большой вклад в науку. Тем более — публикация фундаментальная, строго научная, дающая новый и ценный материал по малоизученным эпохам и проблемам. Именно такова рецензируемая книга, составитель и редактор которой — В. К. Гарданов — сумел сделать ее по сути дела академическим изданием.

Значение нового свода источников трудно переоценить, особенно сейчас, когда развернулась работа по написанию региональной истории Северного Кавказа и первостепенное значение приобрел вопрос о ее источниковедческой базе. За последнее время опубликован ряд сборников архивных документов, в том числе по истории Кабардино-Балкарии¹, однако при всей своей содержательности они не заполняют многих лакун в наших сведениях о народах этого края. Необходимы и другие источники, и среди них одно из самых видных мест принадлежит как раз известиям иностранных, в частности европейских, авторов.

Как справедливо отмечает во «Введении» к книге В. К. Гарданов, известия иностранных авторов являются одним из важнейших источников при изучении истории любого народа, но особое значение они имеют для бесписьменных народов или же для бесписьменных периодов их истории. Это в полной мере относится к горским народам Северного Кавказа, прошлое которых подчас может быть освещено лишь с помощью данных, представленных в рецензируемом своде. Важна, особенно в историко-этнографическом отношении, и другая черта этого типа источников: путешественники-иностранцы, впервые попадая к неизвестным народам, часто подмечали такие детали, мимо которых проходили близкие соседи.

Рецензируемая книга — итог огромного источниковедческого труда по выявлению ценнейших известий, редактированию их переводов и научной оценке текстов. В прошлом в научный оборот были введены лишь сравнительно немногие сообщения европейских авторов; еще меньше их было переведено на русский язык, причем главным образом в «Записках Одесского общества истории и древностей» и других периодических изданиях, давно ставших библиографической редкостью и совершенно недоступных широкому кругу исследователей. Переводы часто оставляли желать много лучшего, сведения об авторах — столь важные для оценки информативности источников — давались лишь эпизодически. Наконец, отдельные, разрозненные публикации, естественно, не могли дать общего представления о росте историко-этнографических сведений об адыгах и центральнокавказских тюрках и делах затруднительным сопоставление этих сведений, опубликованных к тому же на многих европейских языках. Совершенно иные возможности открывает в этом отношении рецензируемая книга.

Изучив произведения более чем 120 авторов, В. К. Гарданов отобрал из них 36, оставивших наиболее важные и достоверные известия. Следует отметить, что две трети этих известий опубликованы на русском языке впервые. При отборе преимущество отда-

¹ «Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в.» (собрал и подготовил к печати Б. А. Гарданов). Нальчик, 1956; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах». М., 1957; «Документы по истории Балкарии» (составитель Е. О. Крикунова). Нальчик, 1962.